

Вадим Розин (Мадгазин).

Фридрих Ницше. Тайна Нового, 1889-го Года.

Абстракт

Письма Фридриха Ницше 1887-1889 годов позволяют предположить, что его потемнение разума могло быть вызвано "заказным отравлением" в связи с опасностью его ближайших планов для власть предержащих.

Извлечения из писем Ницше

Францу Овербеку в Базель
Каннобио, вилла Бадиа
14 апреля 1887

Современная Европа не имеет ни малейшего представления о том, вокруг каких ужасных решений делает круги моя мысль и все мое существо, к какому колесу проблем я привязан - и что со мной приближается катастрофа, имя которой я знаю, но не произнесу.

Карлу Шпиттелеру в Базель
Ницца, 10 февраля 1888

Последний вопрос: почему ничего не сказано о моей "По ту сторону"? Мне хорошо известно, что она считается запрещенной книгой, и тем не менее в ней можно найти ключ ко мне, если таковой вообще можно найти.

Райнхарду фон Зайдлицу в Каир
Ницца, 12 февраля 1888

А наши милые немцы!.. В Германии, хотя мне идет уже 45-й год и я опубликовал примерно пятнадцать книг... ни разу еще не доходило хотя бы до одного хоть сколько-нибудь стоящего обсуждения хотя бы одной моей книги. Сейчас взяли на вооружение словечки "эксцентричный", "патологический", "психиатрический".

Нет недостатка и в злобных и клеветнических намеках в мой адрес; в журналах, и научных и ненаучных, царит ничем не сдерживаемый враждебный тон - но как же это вышло, что ни одна собака не возражает против этого? Что ни один не чувствует себя задетым, когда меня поливают грязью? И уже годами - никакого утешения, ни капли человечности, ни дуновения любви.

Карлу Шпиттелеру в Нейвевиль
Зильс, Энгадин, 25 июля 1888

Что касается моих взаимоотношений с немецкой прессой, о которых Вы спрашиваете, то в них предостаточно странностей. В их основе заложен страх передо мной. Я один из немногих, кто не опасается себя скомпрометировать: весьма опасный сорт людей. На деле я пользуюсь немалым авторитетом и становлюсь, исподволь весьма читаемым автором. Быть самым независимым умом Европы - это что-то.

У меня в каждом городе, даже в Балтиморе, есть кружки почитателей. Моим самым ценным шагом к тому, чтобы раз и навсегда гарантировать себе уважение, была атака на немецкое "образование" в пору, когда нация была занята беспрерывным самовосхвалением.

Мете фон Салис ауф Маршлинс
Зильс-Мария, 7 сентября 1888

15 сентября я уезжаю в Турин... В следующие годы я приму решение, отдавать ли в печать мою "Переоценку всех ценностей", самую независимую книгу на свете. Это решение еще должно вызреть! Первая книга, к примеру, называется "Антихрист".

Францу Овербеку в Базель
Турин, 18 октября 1888

Я сейчас самый благодарный человек на свете и настроен по-осеннему во всех лучших смыслах этого слова: настала пора моей большой жатвы. Все мне легко, все удастся... Что первая книга "Переоценки всех ценностей" готова, готова к печати, - об этом я сообщаю тебе с чувством, для которого не могу подыскать слов. Всего будет четыре книги - они выйдут порознь. На этот раз я, как старый артиллерист, демонстрирую свое тяжелое оружие: боюсь, что из него история человечества будет расстреляна напололам. - То произведение, на которое я Тебе намекнул в прошлом письме, скоро будет завершено...

Твоя цитата из "Человеческого, слишком человеческого" пришла очень вовремя, чтобы ее можно было ввести в текст. Это произведение уже само по себе - стократное объявление войны, с отдаленными раскатами грома в горах. Против немцев я выступаю в нем полным фронтом: на "двусмысленность" тебе жаловаться не придется. Эта безответственная раса, у которой на совести все величайшие преступления против культуры, во все решающие моменты истории держала на уме, видите ли, нечто "иное" (Реформацию во времена Ренессанса, кантовскую философию - именно когда в Англии и Франции с таким трудом пришли к научному способу мышления; "освободительные войны" - по пришествии Наполеона, единственного, кто до сих пор был достаточно силен, чтобы преобразовать Европу в политическое и экономическое единство), - а сейчас, в момент, когда впервые поставлены величайшие вопросы о ценностях, у нее на уме "рейх", это обострение партикуляризма и культурного атомизма. Не бывало еще более важного момента в истории, но разве об этом кто знает? Это непонимание, которое мы сегодня видим, глубоко закономерно: в мгновение, когда невиданная прежде высота и свобода духовной страсти ухватывает высшую проблему человечества и требует приговора самой его судьбе, - в такой момент с особой отчетливостью должна выделяться всеобщая мелочность и тупость. Против меня пока еще нет ни малейшей враждебности: попросту нет еще ушей для чего-либо моего, следовательно - ни за, ни против...

Генриху Кезелицу в Венецию
Турин, 30 октября 1888

В свой день рождения я принял за очередное начинание, которое, кажется, должно удастся и за которое я уже получил приличный аванс. Название "Ессе Номо", или "Как становишься самим собою". Речь там, с немалой отвагой, идет обо мне и моих произведениях; таким образом я собираюсь не только представиться перед публикой, прежде чем совершить чудовищно одинокий акт переоценки, - мне хотелось бы еще и проверить, на какой риск меня обрекают при этом немецкие представления о свободе печати. Подозреваю, что первая книга "Переоценки" будет немедленно конфискована - вполне законно и с полным на то основанием. С помощью "Ессе Номо" я хочу подготовить серьезную почву, быть может вызвать любопытство, которое бы позволило сделать для меня исключение из общепринятых и, в сущности, разумных представлений о дозволенном. Кстати, о себе самом я говорю со всем мыслимым психологическим "лукавством" и бодростью - мне вовсе не улыбается предстать перед людьми пророком, чудищем и нравственным пугалом. Книга может еще и в этом отношении оказаться полезной; быть может, она воспрепятствует тому, чтобы меня пугали с моей противоположностью.

Паулю Дойзену в Берлин
Турин, виа Карло Альберто, 6, III
26 ноября 1888

Дорогой друг,
мне нужно поговорить с Тобой о вещах первостепенной важности. Сейчас моя жизнь достигает своего пика: еще пара лет, и земля содрогнется от чудовищного разрыва. Клянусь Тебе, что я в силах изменить летосчисление. Нет ничего, что смогло бы устоять - я скорее динамит, чем человек. Моя "Переоценка всех ценностей" с заглавием "Антихрист" готова. В следующие два года я предприму шаги для того, чтобы перевести произведение на 7 языков: первый тираж на каждом языке - около миллиона экземпляров.

Кайзеру Вильгельму II
Турин, начало декабря 1888
(черновик)

Сим я оказываю императору немцев высочайшую честь, какая ему может выпасть, - честь тем более весомую, что мне пришлось для этого преодолеть свое глубокое отвращение ко всему, что есть немецкого: я вручаю ему первый экземпляр своего произведения, которым возвещается о приближении чудовищного кризиса, каких еще не бывало на земле, глубочайшей нравственной коллизии, с какой доводилось иметь дело человечеству, назревшего расставания со всем, чего до сих пор требовали, во что верили и что освящали. - И вместе с тем во мне нет ничего от фанатика; среди тех, кто меня знает, я слышу скромным, разве что немного сердитым ученым, который каждому умеет быть в радость. Этот труд, как я надеюсь, рисует образ отнюдь не "пророческий"; но вопреки этому или, скорее, не вопреки, поскольку все пророки до сих пор были лжецами, мною говорит истина. - Но моя истина страшна, ведь до сих пор истиною называлась ложь. Переоценка всех ценностей - вот моя формула для акта высшего осмысления человечества; мой жребий хочет того, чтобы я глубже, смелее, честнее, чем кто бы то ни было до сих пор, заглянул в вопросы всевременные. Я вызываю на поединок не то, что живет сейчас, - я вызываю целые тысячелетия. Я противоречу, и несмотря на это я - противоположность духа отрицания... Есть новые ожидания, есть цели и задачи такого масштаба, о котором до сих пор даже не было

представления: я - благовестник *perexcellence*, хоть мне и суждено быть при этом еще и роком...

Ибо когда этот вулкан придет в действие, земля содрогнется в конвульсиях, каких еще не бывало: понятие политики целиком растворится в войне идей, все институты власти взлетят на воздух, и будут такие войны, каких еще не бывало.

Георгу Брандесу в Копенгаген
Турин, начало декабря 1888
(черновик)

Дружище, я считаю нужным сообщить Вам пару вещей первостатейной важности; дайте Ваше честное слово, что эта история останется между нами. Мы угодили в большую политику, даже в глобальную... Я подготавливаю событие, которое, по всей вероятности, расколется историю надвое - до такой степени, что у нас появится новое летосчисление: до и после 1888 года. Все, что сегодня на поверхности - Тройственный союз, социальные вопросы, - полностью растворится в размежевании индивидуальностей; у нас будут войны, каких не было, но не между нациями, не между сословиями: все взлетит на воздух - я самый опасный на свете динамит.

Через три месяца я собираюсь дать поручение взяться за факсимильное издание рукописи "Антихрист. Переоценка всех ценностей"; она будет оставаться в тайне: послужит мне для агитации. Мне понадобятся переводы на все основные европейские языки, и когда произведение наконец появится, я рассчитываю, что первый тираж на каждом языке составит миллион экземпляров. Я думал о Вас в связи с датским, о господине Стриндберге - в связи со шведским изданием. - Поскольку речь идет о сокрушительном ударе по христианству, очевидно, что единственная в мире сила, заинтересованная в уничтожении христианства, - это евреи. Здесь - инстинктивная вражда, не мнимая, как у каких-нибудь "вольнодумцев" или социалистов - черт знает что сотворил бы я с этими вольнодумцами. Следовательно, мы должны твердо знать потенциальные возможности этой расы и в Европе, и в Америке, ведь ко всему прочему такому движению нужен большой капитал. Вот единственная естественно подготовленная почва для величайшей из войн истории; прочие союзники могут братья в расчет только после этой битвы. Эта новая власть, которая здесь возникнет, сумеет в два счета стать первой всемирной властью; если же прибавить, что господствующие классы стоят пока на стороне христианства, то ясно, что именно они обречены на корню, поскольку все сильные и жизнеспособные единицы неизбежно отпадут от них. В этих обстоятельствах все духовно нездоровые расы увидят в христианстве повелевающую им веру и, следовательно, заступятся за ложь - не нужно быть психологом, чтобы это предугадать. Результат таков, что здесь динамитом поднимет на воздух все способы организации стада, все возможные конституции - противник же не сможет выдвинуть чего-либо нового и окажется к тому же не готов к войне. Офицеров приведет на нашу сторону их инстинкт; то, что быть христианином в высшей степени нечестно, трусливо, нечистоплотно, - это заключение можно безошибочно вынести из моего "Антихриста". (Однако сначала выйдет "Ессе homo", о котором я говорил, - его последняя глава дает предощущение того, что еще только предстоит, сам же я выступаю здесь в роковой роли...) Что касается германского кайзера, то я знаю, как следует обходиться с такими медноголовыми кретинами.

[...] Моя книга подобна вулкану, мои предыдущие сочинения не дают никакого представления о том, что будет сказано здесь и как с ужасающей ясностью вырвутся в ней наружу глубочайшие тайны человеческой природы. В ней явлено искусство изрекать абсолютно сверхчеловеческие смертные приговоры. И при этом надо всем веет грандиозный покой и

величие; это и в самом деле страшный суд, и нет ничего, что из-за мелкости своей или глубокозапятанности не было бы здесь замечено и извлечено на свет. Если, наконец, Вы прочтете венчающий всё закон против христианства, подписанный "Антихристом", - кто знает, не затрясутся ли у Вас самого колени...

[...] Если мы победим, власть на земле будет в наших руках и всеобщий мир тоже... Мы преодолели абсурдные границы между расами, нациями и классами: существует лишь иерархия личностей, но зато эта иерархическая лестница невыносимой длины. Вот Вам первая бумага всемирно-исторического значения: большая политика *parexcellence*.

Францу Овербеку в Базель
(Турин) Рождество. (1888)

Что здесь, в Турине, необычно, так это полное восхищение, которое я вызываю, хотя я непритязательнейший человек и мне ничего такого не нужно. Однако же когда я захожу в большой магазин, выражение лиц у всех меняется; женщины на улице смотрят на меня, старая торговка откладывает для меня самый сладкий виноград и сбавляет цену!.. Это даже смешно... Я плачу за каждую трапезу 1 франк 25 вместе с чаевыми, а получаю самое изысканное в изысканнейшем приготовлении.

Францу Овербеку в Базель
(Турин, 26 декабря 1888) пятница, утро

Дорогой друг,
меня сейчас разобдало веселье: мне вспомнился Твой старый кассир, которого мне стоило бы успокоить. Ему будет приятно услышать, что я с 1869 года живу без прав немецкого гражданства и обладаю расчудесным базельским паспортом, который множество раз продлевался швейцарскими консульствами.
Я как раз работаю над меморандумом для дворов европейских держав - с целью создания антинемецкой лиги. Я хочу надеть на "рейх" смиренную рубашку и спровоцировать его на безнадежную войну. Я не успокоюсь до тех пор, пока молодой кайзер и иже с ним не будут у меня в руках.

(по-видимому между 26 декабря 1888 и 3 января 1889 разум Ницше отказывает).

Перифразировка извлечений из писем

Допустим на минуту, что мы с вами являемся "тайными агентами", следящими за деятельностью некоего "гражданина Н."

Тогда сухой остаток фактов, выделенных из ЕГО писем - будет таков:

-он автор в том числе "запрещенных" книг

-с 1869 г он лишен права немецкого гражданства

- он "вынашивает тайные планы" ввержения Европы в катастрофу
- официальная пресса Германии настроена резко против его идей, создавая ему ореол больного, "психа"
- его произведения пользуются неофициальной популярностью, во многих городах существуют "кружки" его почитателей
- он резко критикует немецкую нацию, немецкое государство и правительство, как в уже изданных произведениях, так и особенно - в новых
- новые произведения содержат настолько откровенную и испепеляющую критику, что (как он сам уверен) - будут немедленно конфискованы
- он планирует издать на 7 языках тиражом по 1 млн. экз. книгу "Антихрист", что приведет к тому, что "земля содрогнется от чудовищного разрыва"
- в не посланном "послании к кайзеру Германии" он предупреждает о готовящейся им идеологической диверсии, в результате которой "понятие политики целиком растворится в войне идей, все институты власти взлетят на воздух, и будут такие войны, каких еще не бывало"
- в начале декабря 1988 г. у него созревает план организации таковой диверсии в течении 3-х месяцев при помощи тайного издания его новой рукописи сразу на всех основных европейских языках огромными тиражами
- для проведения диверсии против христианского мира Европы и Америки он будет использовать потенциал еврейской нации
- в результате диверсии он с сообщниками собирается захватить власть над миром
- он постоянно обедает в одном и том же месте
- 26 декабря 1988 г он пишет - дословно:
"Я как раз работаю над меморандумом для дворов европейских держав - с целью создания антинемецкой лиги. Я хочу надеть на "рейх" смирительную рубашку и спровоцировать его на безнадежную войну. Я не успокоюсь до тех пор, пока молодой кайзер и иже с ним не будут у меня в руках."

Гипотеза

Не может быть особых сомнений в том, что в глазах официоза и власти Германии Ницше выглядел как давний, умный, смелый и - весьма опасный враг.

А за таковыми обычно устанавливается слежка, производится перлюстрация почты, а возможно и - тайные обыски.

Наконец, когда Ницше почти в открытую составляет план "заговора", собираясь использовать вполне определенных, влиятельных и многочисленных союзников - терпению власти приходит конец.

И она проводит свой план устранения опасного врага - весьма хитрый план. Заказное убийство было бы "шито белыми нитками", а главное - могло привести к противоположному результату - всплеску популярности идей Ницше.

Гораздо безопаснее и логичнее - "заказное отравление", когда человек просто лишается разума, ведь тогда и все что он написал ДО того - логично объявить бреднями сумасшедшего...

В "одной из лучших трапез" Турина он и мог получить "не совсем простой" обед в свой организм... И не только там...

Copyright (c) Vadim Madgazin. 15 августа 2007 г.

Постскриптум

А теперь попробуем привлечь и логически проанализировать другие известные факты из жизни Ницше, окинем взглядом его творчество с более общих позиций в историческом аспекте.

Факты из биографии говорят о том, что Ф.Ницше довольно долго применял различные сильнодействующие химические средства в качестве лекарства от своих болезней, периодически приводивших его в такое состояние, в котором он совершенно не мог работать или работал урывками буквально по несколько минут в день.

В итоге по описанию одного из своих самых известных постфактум-биографов (Стефана Цвейга) у Ницше были

"на отдельном столике бесчисленные бутылочки и скляночки с микстурами и порошками: против головных болей, которые на целые часы лишают его способности мыслить, против желудочных судорог, против рвотных спазмов, против вялости кишечника и, прежде всего, ужасные средства от бессонницы - хлорал и веронал.

Грозный арсенал ядов и снадобий - его спасителей в этой пустынной тишине чужого дома, где единственный его отдых - в кратком, искусственно вызванном сне."

Из переписки близких друзей Ницше можно также узнать их мнение о том, что Фридрих много лет разрушал свой мозг применением сильнодействующих лекарств, фактически сознательно жертвуя своим будущим ради настоящего.

Далее нетрудно предположить, что сочетание всех этих химических средств могли иметь неизвестный ему побочный эффект, из-за которого скорое помутнение рассудка было вполне прогнозируемым сценарием даже для здорового человека, и только негибкая воля гения Ницше отодвинула этот момент до тех пор, пока он не написал самую "опасную" и смелую из своих книг - Антихриста (проклятие христианству).

Несколько слов по поводу Антихриста и христианства, как одной из фундаментальных мировых религий.

Содержание "Антихриста" особенно опасно прежде всего с точки зрения церкви, а не гражданской власти. И поэтому на вопрос "кому больше всего выгодно уничтожение Ницше и дискредитация его трудов?" следует ответить - христианской церкви, и прежде всего Ватикану. Причём, с точки зрения церковной морали покарать богохульство не смертью "богоборца", а тихим (или не очень) его помешательством - самое выгодное наказание, посылаемое "богом" и наиболее эффективное предостережение от подобного поведения для других людей.

Поэтому если помутнение разума Ницше было вызвано его преднамеренным отравлением со стороны внешних сил, то подозрения на заказчиков этих действий следует направить не только на светскую власть Германии, но и на христианскую церковь Европы.

В конце концов Гётеанум (храм Антропософии Рудольфа Штайнера) тоже сгорел под Новый 1923-й год в Швейцарии, по-видимому не без участия религиозных фанатиков ("невинных жертв" христианской идеологии).

И даже в XXI-м веке христианская церковь по крайней мере в России довольно "успешно" борется против такого вполне современного и цивилизованного движения как Вальдорфские школы и детские сады, основанные на педагогике Штайнера.

К сожалению религиозный христианский фанатизм периодически усиливается не только в России, достаточно почитать великолепную книгу английского этолога Ричарда Докинза "Бог как иллюзия", где описаны такие уродливые явления как христианский "Американский Талибан" и не только...

Так что дело Фридриха Ницше и сегодня живёт, борется и - хочется верить - побеждает!

Лицензия

Разрешается свободное копирование и распространение данного текста для частных целей. Публикация текста на бумажных и электронных носителях, в том числе публикация в сети интернет разрешается только с личного согласия автора.

Copyright (c) Vadim Madgazin. 27 мая 2010 г.